

Tatyana Hajder

(Kyiv, Taras Shevchenko National University of Kyiv, Institute of Philology)

Christian Motifs in the Plot Structure of Mass Fiction Texts

Abstract: The article is devoted to a topical issue in contemporary literary and cultural studies – the determination of the role and place of mass fiction and the functioning of biblical scenes in mass fiction texts. Attention is paid to the differentiation of the motifs of biblical and of general Christian origin in the texts of contemporary writers.

Keywords: mass literature, fantasy fiction, Christian motifs, Middle-literature

Татьяна Хайдер

(Украина, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко)

Христианские мотивы в сюжетно-фабульной конструкции текстов массовой литературы

Глобализация современного мира неизменно ведет к изменению общества, его идеологии. В этой связи следует особо отметить тот факт, что с момента вступления современного общества в фазу постиндустриального развития, все чаще озвучивается идея «постгуманизма» как доминанты в парадигме современной научно-философской и культурной мысли. На фоне таких процессов возникает необходимость по-новому взглянуть на место и роль массовой культуры, ее взаимодействия с личностью, которая должна адаптироваться к многообразию мультикультурного потока. Такое видение современности обуславливает актуальность постановки проблемы массовой литературы в центр внимания современных филологических изысканий. В украинском контексте об этом одной из первых заявила известный литературовед Нила Зборовская:

„Мы должны осознать культурную ситуацию, в которой оказались. Это ситуация постмодерного общества, которое меняет карту культуры, уменьшая влияние литературы „высокой“ и увеличивая влияние массовой“ (Зборовська 2007:4).

На современном этапе развития массовая (или как ее еще называют „популярная“) литература является своего рода специфическим культурным феноменом, поскольку все еще четко не определена ни методология ее исследования, ни система дефиниций, ни обозначено ее место как в системе культурно-эстетического наследия той или иной национальной литературы в целом, так и в литературном процессе в частности. Аналитические научные исследования такой литературы в Украине с точки зрения литературоведения лишь начинаются, потому целью данной разведки является обозначить и уточнить место (относительно высокой литературы) и черты

массовой литературы с точки зрения жанрово-тематической парадигматики. Поскольку в мировой практике (Д. Макдональд, Т. Адорно, Т. С. Елиот, Х. Ортега-и-Гассет) принято рассматривать тексты маскультуры, противопоставляя их „высокой“ литературной системе и таким образом определяя их ценность, а точнее – эстетико-смысловое обесценивание, превращение в своеобразный „продукт потребления“ средним классом, что неизбежно было продиктовано идеологией рынка. Однако часть исследователей-славистов (как, например, польские исследователи проблем популярной литературы Анна Мартушевска, Войцех Кайтох, Богдан Троха) усматривают и позитивные моменты в стремительном завоевании текстами масслита внимания читательской аудитории. Очень часто это становится своеобразной „инициацией“ читателя, ищущего ответы на те вечные вопросы, разрешение которых на протяжении эволюции и всего существования нашей цивилизации неизменно оставались прерогативой высокой классики. Это проблемы сути человеческого бытия, любви, веры и т.п. Т.е., посредством текстов массовой литературы, неискушенный часто читатель, как бы готовится к чтению более сложных и глубоких произведений.

Сегодня уже бесспорным является тот факт, что массовая литература – это явление, давно перешагнувшее рамки локальной, национальной литературы. „Массовость“ понимается уже не только, как срединное положение текстов данной культуры между китчем и высокой классикой, но и как всеобъемлющее (в мировом масштабе) социокультурное полифункциональное явление, которое посредством литературы, позволяет личности в условиях постиндустриального общества осваивать, диагностировать, оценивать новую действительность. В этом смысле, ориентированность на среднестатистического человека является, на наш взгляд, как раз неоспоримым преимуществом, поскольку отображает (с точки зрения аксиологического подхода к пониманию проблемы масслита) процесс трансформации классических культурных ценностей в новых, постиндустриальных, глобализированных условиях, а также, одновременно, отследить процесс становления новейшей (может и усредненно-массовой, но не обязательно низкой и китчевой) культуры современности. Последняя, в свою очередь, также начинает влиять на массовое сознание посредством текстов маскультуры. Круг как бы замыкается, но всегда остается незначительное пространство, которое будут занимать те эволюционирующие формы (жанры) массовой литературы, которые неизбежно двинутся в своей эволюции в сторону высокой литературы. Именно такие тексты, а также механизмы, порождающие необходимость создания таких „усовершенствованных“ текстов, на наш взгляд, и должны составить основу современных и последующих исследований проблем массовой литературы. При этом следует четко понимать, что старая классическая методология анализа и инструментарий для выявления специфики и дефинитивных характеристик не всегда (а чаще никогда) не подходит. Этот тезис является результатом анализа постмодернистских учений Р. Барта, М. Фуко, Ж. Дерриды, У. Эко и многих других.

Поскольку личность, сформированная исторически закрепленными ценностями родной культуры, однажды вступает в диалог с другой культурой/ами, субъектно-объектный характер такой взаимосвязи неизбежно приводит к наслоению и „взаимопрорастанию“ базовых, традиционных ценностей, а также ценностей, сформированных динамично развивающейся массовой культурой, носящей все более универсальный и мультикультурный характер. В результате дезинтегрированное и трансформированное (часто не лучшим образом) сознание личности и представление о себе как *субъекте культуры* готово воспринимать лишь шаблонные, стереотипные,

поверхностные модели. Это останавливает саморазвитие. В этой связи лучшие образцы масслита можно рассматривать как образовательный и мотивирующий фактор.

Опуская хрестоматийные положения о коммерческо-потребительской функции массовой литературы, следует подчеркнуть информационно-гносеологическую и эстетическую функции масслита. Учитывая амбивалентный характер влияния текстов массовой литературы (ориентация на духовные и эстетические запросы читательской аудитории одновременно обратное влияние на нее в этих же сферах), особую заинтересованность вызывают тексты, в которых авторы обращаются к темам и сюжетам, которые имеют библейское (евангельское) или шире – христианское – происхождение, а также любо иные темы и сюжеты, прямо или же косвенно связанные с осмыслением духовного начала человека и его самосовершенствованием, с постижением смысла и цели его пребывания на земле.

В последние десятилетия в украинском литературоведении особенно активизировался интерес к особенностям функционирования библейской и христианской тематики в художественной литературе. Начиная с 1999 года при университете в Черновцах работает научно-исследовательский центр „Библия и культура“, который возглавил один из ведущих украинских ученых А. Нямцу. Тематикой библейских и евангельских сюжетов в разное время занимались такие ученые, как А. Нямцу, В. Сулима, И. Набитович, О. Мишанич, В. Антофийчук и многие другие, но, традиционно, круг их исследовательских интересов не выходил за рамки художественной классики украинской литературы с обозримой древности и до конца XX столетия.

Основоположным тезисом в данных исследованиях является актуализация евангельских и других сюжетов как форма литературных трансформаций и переосмысления христианской традиции. Одно из центральных мест в такого рода исследованиях (как в украинском контексте, так и в научных разработках данной проблематики на постсоветском пространстве в целом) занимает образ Иисуса Христа и мотив Иуды Искариота. И тут хотелось бы заметить, что особого внимания заслуживают тексты, в которых наблюдается моделирование процессов перекрестного использования мотивов христианского и языческого происхождения. Что касается евангельских сюжетов, то, как отмечает В. Антофийчук,

„характерной особенностью трактовки материала – является подчеркнутое либо завуалированное осовременивание, обусловленное универсальностью и общеизвестностью евангельских структур, стремление осмыслить конкретно-национальное с точки зрения вневременного, общечеловеческого“ (Антофійчук 2000: 26-33).

Но, как уже отмечалось ранее, в более широких исследованиях данной проблематики в украинском литературоведении массовая литература все еще редко попадает в поле зрения.

Среди немногих, кто исследует массовую литературу XX века в Украине следует отметить Софию Филоненко и Елену Романенко. В их работах рассматриваются как общетеоретические, так и частные случаи трансформаций, происходящих в жанровом и тематическом полях украинского масслита. Однако вне поля их зрения оказывается литература, обозначенная как „литературные евангелия“ (или неапокрифы), а также литература, которая в жанровом отношении вообще мало представлена как материал

исследований – это фантастика в своих различных жанровых инвариантах. Этот факт объясняет Н. Зборовская:

„...основные качества, характерные для современной массовой литературы и культуры в Украине. Это – тексты, которые не являются высокой литературой. Ведь высокая культура – формально сложна, и главный параметр ее становления – поиск духовно-моральных ценностей. Сложность формы и интенсивность духовных исканий не позволяет пользоваться этой литературой широким массам.“ (Зборовська 2007: 4).

Среди наиболее распространенных форм переосмысления традиционных структурно-смысловых компонентов христианского и библейского тематико-сюжетного поля исследователи называют такие, как продолжение, обработка, художественный пересказ канонического текста, „литературные евангелия“, апокрифизация, формально-смысловое „осовременивание“ (Нямцу 2007). Подобные „вторжения“ А. Нямцу объясняет идеологическими, эстетико-философскими парадигмами определенной эпохи, особенностями творческой манеры писателя и его специфическим мироощущением.

Появление различных вариаций на библейскую тематику также можно объяснить общей фрактальностью Святого Письма, что вновь и вновь побуждает писателей возвращаться к образам, мотивам, сюжетам.

Антропоцентризм современной цивилизации в его постмодернистской модели создает мир как систему текстов, в которых и с которыми можно играть – шифровать, дешифровать, перекодировывать старое, заигрывая с читателем и приглашая его в новое контекстуальное и интертекстуальное пространство, в котором исчезает автор, а читатель становится равноправным участником событий, „включенным“ в скомпилированный из знакомых ему фрагментов реальности и, зачастую, не менее знакомых картин мифологического прошлого. Сам процесс компиляции часто подменяет собственно творческий процесс, поскольку важен не процесс *создания*, а процесс *прочтения* автором той либо иной страницы истории, ситуации, текста, образа и.т.д. Такая подмена категорий творческого акта (не поиск и выражение каких-то истин, самовыражение) ведет к подмене иных категорий – бинарные пары добро/зло заменяются парой „интересно/неинтересно“. Так же возникает и новый текст массовой литературы, который тяготеет и к стандартам высокой литературы, и хочет обеспечить себе максимальную читабельность (спрос). Такими произведениями в современном славянском континууме можно назвать произведения, появившиеся в разное время, но отображающие эту тенденцию: „Христос приземлился в Городне. Евангелие от Иуды“ Владимира Короткевича (Беларусь), „Евангелие от Иуды“ Генрик Панаса и „Евангелие от разбойника“ Адама Вишневого-Снерга (Польша), „Любимый ученик“ Юрия Нагибина (Россия). В украинской литературе интересными представляются такие авторы как Роман Иваничук „Евангелие от Фомы“, Галина Пагутяк „Повесть о Марии и Магдалин“, „Писарь Восточных Ворот Приюта“.

Среди молодых писателей современной Украины особого внимания заслуживает творчество Марины Соколян (Херем), а также творчество молодой генерации фантастов: Генриха Лайона Олди¹ (Последнее допущение Господа) и Лады Лузиной² (Никола Мокрый). Творчество последних наименее часто попадает в поле зрения

¹ Генри Лайон Олди – авторский писательский дуэт – Олег Ладиженский и Дмитрий Громов

² Литературный псевдоним дной из наиболее успешных современных украинских писательниц Владиславы Кучеровой.

исследователей, возможно из-за их принадлежности к литературе, которая также все еще не дождалась более серьезного заинтересования среди украинских ученых. К творчеству Лады Лузиной обращалась в своих исследованиях София Филоненко, но в контексте анализа гендерных моделей и психологии современной женщины в литературе и паралитературе. В то время, как собственно литературное творчество этой писательницы не являлось предметом анализа.

Итак, обыгрывание и разнообразные формы воспроизведения и перекодирования библейских, или шире – христианских – мотивов мы рассматриваем как разновидность постмодернистской модели, применение которой к текстам массовой литературы может дать интересные результаты. Отталкиваясь от концепции А. Касьянова касательно роли и функции библейских мотивов и образов в сюжетостроении романа, где он выделяет пять основных вариантов использования библейских мотивов (и образов) в организации сюжета произведения. Это произведения, где в основу сюжета положена целостная библейская легенда (1), отдельный библейский сюжет и персонажи параллельно развивается с другой сюжетной линией, при чем обе линии параллельны и равноправны (2). Третий тип – это произведения, где выделенный эпизод (библейский) образует как бы вставной микросюжет, и ассоциации, возникающие посредством этого микросюжета, образуют связующий лейтмотив, который далее, как контрапункт, формирует сюжет. Следующий тип представляют произведения с центробежным эпическим сюжетом, который реминисцируется библейскими образами и „дополняется“ и обобщается через дополнительный лирический мотив сюжета (4). Последний, пятый тип – представлен компилированием частей-притч, а каждая из фабульных линий развивается с ориентацией на разные библейские мотивы (и ветхозаветные, и новозаветные), может развиваться хронологически и имеет завершенный характер) (Касьянов 2007).

Таким образом, третий тип сюжетопостроения наиболее приемлем в текстах массовой литературы, поскольку он предусматривает практически полную автономию автора, который по своему усмотрению выстраивает и обыгрывает заимствованные ситуации или образы, а также и ассоциации читателя. Именно в этом моменте и кроется та функциональная особенность медиальности „низовой“ – массовой литературы, по отношению к высокой. Читатель инициируется посредством вовлечения в игру („узнать“-дешифровать-понять), которую с ним начинает автор. Мотивированный читатель обязательно станет искать пути для разгадывания текста, который, возможно, с точки зрения поэтики и теории литературы, не отвечает параметрам высокой классики, но обязательно является ступенью к ней. Момент „узнавания“ является наиболее важным в практике чтения. Поэтому опорными, сигнальными образами и мотивами наиболее часто выступают основоположные, знаковые фигуры и сюжеты (Святое семейство, Иуда, Пилат и т. п.). Тем интересней для читателя будет погружение в мир, в котором задействованы менее „популярные“ мотивы или персоны. Показательным являются такие произведения, как „Агарь, Агарь“ Хольма ван Зайчика³, „Дневник Архангела Гавриила“ Ларисы Бочаровой (Россия), „Никола Мокрый“ Лады Лузиной (Украина).

„Никола Мокрый“ в этом ряду, по нашему мнению, занимает особое место. Это заключительный роман из знаменитого цикла „Киевские ведьмы“ (2005-2011). Примечательной чертой этого цикла является использование автором как городского

³ Совместный литературный псевдоним писательского дуэта из России Вячеслава Рыбакова и Игоря Алимova.

фольклора (киевского), так и общеславянского. „Вписывание“ фольклорно-мистических мотивов в канву подлинных исторических событий и современных будней города – это фабульная основа цикла. В последнем произведении Л. Лузина активирует, как сюжетобразующий мотив, мощный (по своему духовному потенциалу и специфике функционирования в православии) культ св. Николая.

По сюжету обыгрывается культ св. Николая в его восточнославянской (православной) версии, а точнее – варианта древнерусского периода Киевской Руси.

„Сказ про Николу Мокрого“ — одна из древнейших легенд о чудесах Святого Киева, — начала Ковалева. — Образ Николая в Софийском соборе считался самой древней иконой святого на всей Руси. И чудо, сотворенное им в Киеве, было первым его дивным деянием на нашей земле. Давным-давно, в XII веке, некие благочестивые муж и жена отправились на лодке из Киева в Вышгород. По дороге жена задремала и выпустила из рук их маленького сына. Мальчик упал в воду и утонул. В отчаянии родители принялись упрекать святого Николая, покровителя путешественников, мореплавателей и малых детей, в том, что он не уберег их малыша. Но затем раскаялись и обратились к нему с чистосердечной молитвой... На следующее утро, еще до того как рассвело, пономарь собора Святой Софии внезапно услышал в темноте детский плач. Утопшего младенца нашли на хорах — мокрым от воды, но живым и здоровым, лежащим под иконой святого Николая. После этого образ и прозвали Николой Мокрым. Столетиями его считали одной из первейших киевских святынь. А сам сюжет о чудесном спасении младенца был изображен на другой иконе — в Макариевской церкви на Подоле...“ (Лузина 2011)

Тут следует заметить, что культ Николы Мокрого восходит к более древней – языческой – традиции Волоса/Велеса-Перуна (Успенский 1982). Учитывая тот факт, что Л. Лузина использует мотивы городского киевского фольклора, умело вплетает его в общеславянскую канву. Она учитывает, что Киев – как центр и символ Киевской Руси, имеет особое духовное значение для территорий, которые генетически восходят к тому историческому периоду. Актуализация мотивов, связанных с преданиями, легендами и фактами, касающимися истории и современности этого города, она активизирует (или пытается, по крайней мере) возобновить прервавшуюся духовную связь и времен, и поколений. В романе „Никола Мокрый“ она подходит к периоду, когда христианский культ поглотил локальные дохристианские и (как и в европейской традиции – дал специфические формы⁴). В восточнославянском православном ареале Никола Вешний, праздник которого отмечается 22 (9) мая открывает период, когда можно купаться в водоемах (до Ильина дня – 20 июля (2 августа), после которого уже купаться нельзя, а запрет мотивируется тем, что в воде сидит нечистая сила – черти). Поэтому, период с 22 мая до Ильина дня находится как бы под попечительством св. Николая, спасающего, в том числе, и от утопления. Исключительным периодом являются купальские дни – Русалии (до 24 июня), когда нечистая сила и стихия воды были особенно опасны. В связи с николюскими и троичскими обрядами восточных славян следует упомянуть также «заложных» покойников (по славянским поверьям – люди, умершие неестественной смертью, в том числе – утопленники, и продолжающие существовать как духи, вредящие живым). Характерно, что в исследованиях славянского фольклора восточных славян некоторые исследователи (Д. Зеленин,

⁴ Ср., в польском контексте – языческие купальские дни, подчинены культу Иоанна Крестителя – „dni Świętojańskie, Sobótka“.

С. Токарев и др.) отождествляют «заложных» покойников и водных русалок, которые объединили водную стихию (Водяницы, Берегини) и другие верования о духах. Именно вокруг этого варианта верований завязан сюжет романа Л. Лузиной. Ведь три киевские ведьмы – Киевицы – Маша, Даша и Катя – являются берегинями Киева. По сюжету романа одна из них заключает договор с Водяницей, которая выступает олицетворением и берегиней Днепра (женская ипостась Водяного), чем спасает Город (Киев) от разрушения, одну из своих подруг от смерти, а в общем – укрепляет (sic!) христианский культ киевского Николы (Мокрого). Более того, заставляя *Ведьму* войти в храм и сотворить молитву, автор подводит читателя к особой смысловой доминанте цикла (помним, что это последний роман) – подчинение высшим, божественным силам и вера в их милость и спасение. Этот пассаж в хитросплетении сюжета, построение которого полностью отвечает требованиям постмодернистического письма и массовой литературы в одинаковой мере (игра с читателем, перекодировка текстовых и смысловых структур, интертекстуальность; коллажность, динамичность сюжета, узнаваемость и стереотипность сюжетно-фабульной конструкции, серийность, яркие образы и т.д.) открывает по-новому прочтение подобного рода произведений. За привлекательным и „читабельным“ текстом закрепляется новая функция – мотиватора саморазвития и совершенствования читателя. Это своеобразная стимуляция его собственного, индивидуального поиска, поскольку автор заставляет пройти через перепетии сюжета и разгадать все культурологические, фольклорные и – часто – религиозно-мистические загадки.

Особенность цикла „Киевские вдьмы“ Л. Лузиной состоит в том, что она погружает читателей в специфический контекст *киевской* старины, культуры, загадок, фактов истории и искусства, мифов и легенд, фольклора (современного городского и трансформированного славянского), умело вписывая эти элементы в сюжетно-фабульную структуру произведений. Кроме характерной оппозиции язычество-христианство, она экспонирует также те трансформационные процессы, которые моделируют наш современный мир, в котором все меньше места остается для размышлений о своем прошлом, предках, корнях. Укрывая все это за поверхностной увлекательностью и экзотичностью сюжетов, она заставляет пройти своеобразный историко-культурный квест по Городу (Киеву). Это может служить ярким примером медиального положения, места, которое Д. Макдональд обозначил как „серединное“ в статье „Маскульт и мидкульт“ (Masscult and Midcult, 1960), но с оговоркой, что это место предполагает следующую эволюционную ступень – от низовой литературы к высокой.

Роль в сюжетопостроении христианских мотивов и образов в других произведениях (например, „Агарь, Агарь!...“ Хольма ван Зайчика) предстает в этой связи не менее редким примером использования старозаветного эпизода для разворачивания сложной ассоциативной интертекстовой и интеркультурной структуры, поскольку это произведение авторами рассматривается как переходное, связующее звено (из комментария авторов):

„Указанный текст был прислан Х. ван Зайчиком своим переводчикам совсем недавно вместе с довольно пространном письмом, содержащим, правда, в основном замечания чисто личного характера по поводу нерасторопности переводчиков и их консультантов. Однако, судя по нескольким содержащимся в письме обмолвкам, этот рассказ, на первый взгляд представляющий собою вполне законченное произведение, с некоторой степенью вероятности можно счесть чем-то вроде пролога к очередной книге эпопеи великого еврокитайского

гуманиста “Плохих людей нет” (“Евразийская симфония”). Если это так, то приходится признать, что очередной том (или тома) эпопеи структурно (а возможно, и не только структурно) будет (будут) сильно отличаться от первых шести, с которыми в 2000–2003 годах познакомил российского читателя издательство „Азбука” („Дело жадного варвара”, „Дело незалежных дервишей”, „Дело о полку Игореве”, „Дело лис-оборотней”, „Дело победившей обезьяны” и „Дело судьи Ди”). Впрочем, пока это лишь предположение. Здесь и далее *прим. пер.*“ (Хольм ван Зайчик 2004).

Учитывая специфику творчества писательского дуэта (т.н. историческая фантастика, альтернативная история), их обращение к христианским мотивам в контексте общей творческой концепции интеллектуального ерничанья обращает на себя внимание. Заявка на прочтение истории человечества и его прегрешений не с точки зрения ветхозаветной мудрости древних евреев, а собственно их потомка, с возможностью найти ответ на вопрос о сути греха и пути его искупления. Сюжет рассказа отталкивается от имени Агари, пробуждая длинную цепь ассоциаций и предполагает хотя бы поверхностное знание Библии, не говоря уж о минимальном представлении о Танахе. Таким же образом поступает и молодая украинская писательница Марина Соколян в своей повести „Херем“. Читатель, следуя за хитросплетениями сюжета, в котором лишь угадывается связь с христианской традицией, вынужден разгадать загадку главного героя – Маззакина-Гура-Асаты. Тем сложнее путь расшифровки текста, игра со знаками, символами, именами, ассоциациями. Пресловутое „двойное дно“ У. Эко в чтении такого типа литературных произведений и ведет к саморазвитию.

„Дневник Архангела Гавриила“ Ларисы Бочаровой и „Последнее допущение Господа“ Генриха Лайона Олди трудно однозначно подвести под какие-либо дефиниции. Если рассказ Олди можно поставить в одном ряду со „Шлемом ужаса“ небезызвестного Виктора Пелевина (игровое начало компьютерной игры, восходящее к „прорыву“ виртуального мира в реальность), то произведение Л. Бочаровой отличается от откровенного „литературного стеба“⁵ Пелевина и Олди. Писательница (Лариса Бочарова больше известна как Лора Провансаль, мастер ролевых игр и автор множества аллегорических рассказов, а также нескольких вторичных произведений (фанфиков) в присущей ей иронической манере от имени представителя высших небесных сил делает обзор истории, по сути, универсума. Но при этом она сообщает читателю непреложные истины, часто парадоксального характера:

„Ха, где он другое место найдет, когда его вообще нет? Только хаос неструктурированный, да холод, да ночь с дождем. Так с ними и надо бороться, с этими путаниками. Может, после смерти человеками станут“ (Бочарова Л. „Дневник Архангела Гавриила“ - URL: <http://www.Royallib.ru>)

Так Гавриил комментирует ситуацию, в которой оказываются атеисты после смерти. Им некуда идти, и они просят прибежища у ворот Чистилища, с надеждой

⁵ Стеб – понятие развилось в русском языке и культуре как вид альтернативной модели поведения относительно официальной культуры на рубеже 70-х-80-х гг. XX ст. Это разновидность псевдокоммуникации. Тотальная установка стеба ориентирована на самоутверждение говорящего/автора и реализуется чаще всего в открытом монологе, рассчитана на реципиента. Диапазон явления определяется от „невинной манеры“ подшучивать, подсмеиваться над кем-либо, чем-либо, до „крайней формы иронии“, сарказма, черного юмора.

попасть и дальше. Но только ли атеистов имеет в виду архангел, замечающий иронично „после смерти человеками станут“?

Доверительная манера изложения (от первого лица, т.е. сам Гавриил ведет повествование) и доступная читателю современная разговорно-сленговая стилистика позволяет выстроить то пространство, которое граничит с интимным миром каждого читателя. Таким образом смысловая доминанта не вызывает сомнений в ее истинности, аутентичности:

„Так закончилась на земле одна эпоха — и началась другая. Началась с надежд, любви и оправдания. Она подойдет к концу так же, как все предыдущие — дряхлой, нервной, утонув в сомнениях и предвестиях скорого конца. И время на земле снова перевалит рубеж — и будет что-то иное, юное, окрыленное, пока, в свою очередь, оно не состоится и не переродится. Ход времени бесконечен. И каждый раз в конце эпохи мы будем спускаться на землю и делать нашу любимую работу — показывать людям, где находится Бог, и каков он есть на самом деле. А если случится так, что люди исчезнут, мы сделаем это друг для друга И не прервем наш труд до той поры, пока не остановится наше общее сердце, бьющееся в груди у Бога, который есть Любовь. Пока сам Бог не исчезнет.

А этого не будет никогда. Поэтому впереди у всех нас — вечность.

...Вставай, Кассиель, пей свой утренний кофе, докуривай „Кэмел“, шнуруй башмаки. Пора на работу...“ (Бочарова Л. „Дневник Архангела Гавриила“ - URL: <http://www.Royallib.ru>)

Под многообразием масок и в упрощенных, на первый взгляд, формах, массовая литература нередко скрывает такие же глубокие, также мастерски закодированные смыслы, что и высокая литература. Так появляются такие концепты, как „преступление“, „власть“, „совесть“, „долг“, „вера“ и т.п., к которым массовая литература обращается не менее часто, изучая взаимодействие мира людей и мира идей. Это позволяет произведениям массовой литературы достаточно легко перешагивать барьеры, отделяющие ее от высокой литературы, постепенно занимая место рядом с нею в культурном пространстве, „обрастая“ своей классикой. Таким образом дальнейшее изучение и осмысление природы и специфики масслита имеет неоспоримую перспективу.

ЛИТЕРАТУРА

Антофійчук 2000: Антофійчук, В. Закономірності переосмислення сюжетів та образі Нового Завіту в українській літературі ХХ століття. - В: Біблія і культура. Вип. 1. Чернівці, 26-33.

Бочарова Л. „Дневник Архангела Гавриила“ - URL: <http://www.Royallib.ru>

Ван Зайчик : Ван Зайчик, Х. „Агарь, Агарь!“ URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2004/10/za9.html>

Виноградова 1995: Виноградова, Л. Н. Заложные покойники. - Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Москва: Эллис Лак, 186–188.

Зборовська 2007: Зборовська, Н. Сучасна масова література в Україні як загальнокультурна проблема. – В: Слово і Час, № 6, 3-8.

Зеленин 1995: Зеленин, Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. Москва: Индрик.

Касьянов 2007: Касьянов А. Библейские мотивы и образы в сюжетостроении русского романа XX века: дис. канд. филолог. наук. Пермь.

Лузина 2011: Лузина Л. Никола Мокрый. Харьков: Фолио.

Лузина 2016: Лузина, Л. Семь киевских чудес Св. Николая. - Сегодня.ua. 20 мая. URL: <http://www.segodnya.ua/opinion/ladaluzinacolumn/sem-kievskih-chudes-sv-nikolaya-717202.html>

Нямцу 2007: Нямцу, А. Миф. Легенда. Литература (теоретические аспекты функционирования): монография. Черновцы: Рута.

Токарев 2005: Токарев, С. А. Религия древних славян. - Религия в истории народов мира. Под ред. А. Н. Красникова. 5-е изд. Москва: Республика.

Успенский 1982: Успенский, Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Москва: Изд-во Московского университета.